

Сказка Туве Янссон " Опасное лето " Глава восьмая

О том, как пишут пьесу

Страшно подумать, что было бы, если бы Муми-мама, проснувшись в день летнего солнцестояния, узнала, что Муми-тролль сидит в тюрьме! Или если бы кто-нибудь рассказал Мюмле, что ее младшая сестренка, обмотавшись ангорской шерстью, спит в шалаше из еловых веток, который соорудил Снусмумрик.

Ничего этого они не знали, и им оставалось только надеяться на лучшее. Ведь на долю семейства муми-троллей выпадало приключений куда больше, чем на долю любой другой семьи, и разве все не кончалось благополучно?!

– Малышка Мю привыкла сама заботиться о себе. Я больше беспокоюсь о том, кто ненароком окажется рядом с ней, – сказала Мгомла.

Муми-мама выглянула из окна. Шел дождь.

"Только бы они не простудились", – подумала она и осторожно уселась на кровать. Она была вынуждена проявлять осторожность. После того как они сели на мель, пол перекошило, и Муми-папе пришлось прибить мебель к полу гвоздями. Хуже всего приходилось им во время еды, потому что тарелки то и дело скатывались на пол, а когда папа пытался крепко прибить их гвоздями, они раскалывались. У всех было такое чувство, будто они постоянно занимаются альпинизмом и поднимаются в горы, так как они ступали одной ногой чуть выше, а другой – чуть ниже. Муми-папа стал опасаться, что их ноги начнут расти неодинаково. (Правда, Хомса считал, что если ходить немного в противоположном направлении, то ноги выравниваются.)

Эмма, как обычно, подметала пол.

Она с трудом карабкалась вверх, подталкивая перед собой мусор. На полу мусор снова скатывался вниз, и ей приходилось все начинать сначала.

– Разве не лучше мести в другую сторону? – осторожно предложил Муми-папа.

– Здесь я никому не позволю меня учить, как мести, – возмутилась Эмма. – Я так мету сцену с тех пор, как вышла замуж за маэстро Филифьонка, и так буду мести, пока не умру.

– А где же сейчас твой муж, Эмма? – спросила Муми-мама.

– Он умер, – с достоинством ответила Эмма. – Ему на голову упал железный занавес, и им обоим пришел конец.

– О, бедная, бедная Эмма! – воскликнула мама.

Эмма порылась в кармане и вытасила пожелтевшую фотографию.

– Вот как выглядел Филифьонк в молодости, – сказала она.

Муми-мама взглянула на фотографию. Маэстро Филифьонк стоял на фоне картины с изображенными на ней пальмами. На его физиономии выделялись огромные усы, а рядом с ним примостился кто-то ужасно озабоченный, с маленьким колпачком на голове.

– Какой представительный! – воскликнула Муми-мама. – И картину за его спиной я узнаю.

– Это задняя кулиса для "Клеопатры", – холодно заметила Эмма.

– Эту молодую даму зовут Клеопатра? – спросила мама.

Эмма схватила за голову.

– "Клеопатра" – это название пьесы, – устало пояснила она. – А молодая дама рядом с ним – это дочь его сводной сестры Филифьонка. Удивительно несимпатичная племянница. Она присылает нам каждый год открытки с приглашением на праздник летнего солнцестояния, но я не утруждаю себя ответами. Вероятно, ей просто хочется пристроиться в театр.

– И вы ее не пускаете? – с упреком спросила мама.

Эмма даже бросила метлу.

– Сил моих больше нет! – воскликнула она. – Вы ничего не знаете о театре, пичегошеньки. Меньше чем ничего. И хватит об этом.

– Не могли бы вы, Эмма, немножко просветить меня? – робко попросила Мумп-мама.

Эмма заколебалась, но затем решила смилостивиться.

Она села на краешек постели возле Муми-мамы и сказала:

– Театр – это не зал и не палуба парохода. Театр – это самое важное в мире, потому что там показывают, какими все должны быть и какими мечтают быть, – правда, многим не хватает на это смелости, – и какие они в жизни.

– Так это же исправительный дом! – в ужасе воскликнула Муми-мама.

Эмма терпеливо покачала головой. Она взяла клочок бумаги и дрожащей лапкой нарисовала театр для Муми-мамы. Она объяснила что к чему и записала, чтобы Муми-мама ничего не забыла.

Пока Эмма рисовала, подошли все остальные и окружили ее.

– Вот так было в театре, когда мы ставили "Клеопатру", – рассказывала Эмма. – Зрительный зал (а не гостиная) был полон людей, и никто не шелохнулся и слова не вымолвил, пока шла премьера (это значит, что пьесу играют в самый первый раз). Когда зашло солнце, я, как обычно, зажгла огни рампы и три раза стукнула об пол, прежде чем поднялся занавес. Вот так!

– Это зачем? – спросила Мюмла.

– Чтобы было более торжественно, – призналась Эмма, и ее маленькие глазки сверкнули. – Это словно зов судьбы, рок, понятно? Занавес поднимается, красный прожектор освещает Клеопатру, публика затаила дыхание...

– А Реквизит тоже был там? – спросил Хомса.

– Реквизит – это название комнаты, – пояснила Эмма. – Там хранится все, что нужно для спектакля. О, примадонна была необыкновенно красива и трагична...

– Примадонна? – переспросила Миса.

– Ну это самая важная из актрис. Она всегда играет самую лучшую роль и всегда получает то, что хочет. Но упаси меня от этой чести...

– Я хочу быть примадонной, – прервала Эмму Миса. – Только мне бы хотелось сыграть печальную роль, чтобы можно было вскрикивать, рыдать и плакать.

– Тогда тебе надо играть в трагедии или драме, – пояснила Эмма. – И умереть в последнем акте.

– Вот именно! – воскликнула Миса. Щеки ее пылали. Подумать только, стать совсем не той, кто ты есть на самом деле! Никто тогда больше не скажет: "Вот идет Миса", – а будут говорить:

"Посмотри на эту трагическую даму в красном бархате... великую примадонну... Видно, она много страдала".

– Ты теперь будешь выступать перед нами? – спросил Хомса.

– Я? Выступать? Перед вами? – прошептала Миса, и на глаза ее навернулись слезы.

– Тогда и я хочу быть примадонной, – сказала Мюмла.

– А что ты будешь играть? – недоверчиво спросила Эмма.

Муми-мама посмотрела на папу.

– Ты, наверное, мог бы написать пьесу, если Эмма тебе поможет, – сказала она. – Ведь ты написал мемуары. Наверное, не так уж трудно писать и стихи?

– Куда там! Не умею я писать пьесы, – сказал папа и покраснел.

– Конечно, ты сумеешь, дорогой, – стояла на своем мама. – А мы выучим твою пьесу наизусть. Все придут смотреть, как мы играем в театре. Много-много разного народу; их будет все больше и больше, и они станут рассказывать своим знакомым, как это замечательно. Наконец слух о театре дойдет до Муми-тролля, и он найдет дорогу к дому. Муми-тролль, фрекен Снорк, малышка Мю вернутся домой, и все кончится благополучно! – закончила свою речь Муми-мама и захлопала в ладоши от радости.

Все с сомнением посмотрели друг на друга, потом взглянули на Эмму. Та развела лапами.

– Наверное, получится что-то ужасное, – сказала она. – Но если вам так хочется потерпеть фиаско, я не откажусь давать вам советы. Иногда, когда у меня найдется свободная минутка. –

И продолжила рассказывать, как играют в театре.

Вечером Муми-папа уже закончил пьесу. И прочитал ее всем. Никто не прерывал его, и когда он закончил, воцарилась тишина.

Наконец Эмма сказала:

– Нет, нет и еще раз нет!

– Неужели так уж плохо? – спросил расстроенный папа.

– Хуже некуда, – ответила Эмма. – Послушай только:

Не боюсь я льва, Убиваю его всегда!

Ужасно!

– Но я непременно хочу, чтобы был лев, – упрямо возразил папа.

– Нужно писать гекзаметром! Гекзаметром, а не рифмовать.

– А что такое гекзаметр? – спросил папа.

– А вот что: тамтара-тамтара-тамтара-тамтара, тамтара-там-та, – объяснила Эмма.

Папа просиял.

– Перепиши все гекзаметром, – посоветовала Эмма. – И запомни, что в настоящей трагедии, написанной старинным стилем, все должны быть в родстве друг с другом.

– Но как же они могут так злиться друг на друга, если они в родстве? – спросила Муми-мама. – И как можно без принцессы? Без счастливого конца? Ведь так грустно, когда кто-то умирает.

– Это трагедия, дорогая моя, – сказал папа. – И обязательно в конце кто-то должен умереть. Еще лучше, если умрут все, кроме одного, но желательно, чтобы и он тоже. Так посоветовала Эмма.

– Пусть я умру в конце, – пропищала Миса.

– А может, мне убить Мису? – спросила Мюмла.

– Я-то думал, что Муми-папа напишет детектив, – разочарованно протянул Хомса. – Такой, чтобы всех подозревали и было множество версий, над которыми бы пришлось поломать голову.

Папа обиженно встал и стал собирать свои листки.

– Если вам не нравится моя пьеса, пожалуйста, пишите сами новую, – сказал он.

– Голубчик, – утешала его мама, – мы находим пьесу замечательной. Не правда ли?

– Конечно, – подтвердили все в один голос.

– Вот видишь, она всем нравится, – сказала мама. – Только чуть подправь ее, измени содержание и стиль. Я позабочусь, чтобы никто не мешал тебе. И пока ты работаешь, возле тебя будет стоять вазочка с карамельками.

– Ладно, – согласится папа. – Но лев должен остаться!

– Разумеется, без льва не обойтись, – поддакнула мама.

Муми-папа трудился воясю. Все молчали, боясь произнести хоть слово или шевельнуться. Едва закончив рукопись, папа сразу стал читать вслух. Мама все время подкладывала ему карамельки. Все были возбуждены и полны больших надежд.

Ночью им не спалось.

Эмма почувствовала, как у нее прибавляются силы. Она не думала ни о чем другом, кроме генеральной репетиции.